

— Ребёнок госпожи крепок и здоров, а на ладони у него красная родинка, что явно указывает на его счастливую судьбу, — произнесла одна из служанок. — А вот ребёнок кормилицы, родившийся недоношенным, был слаб и, похоже, страдал от врождённого недуга.

Госпожа Чэнь тихо всхлипывала, вспоминая, как в детстве Хуай был худым и слабым, и сколько дорогих лекарств потребовалось, чтобы поправить его здоровье.

— Хватит, не нужно больше говорить, — с отчаянием покачала головой госпожа. — Ребёнок, которого я носила под сердцем десять месяцев, — мой родной сын. Никто не сможет разлучить нас.

Ли Мэнши поспешно опустилась на колени, умоляя о прощении:

— Простите, госпожа, я не смею строить догадки, но, услышав, что у старшего сына нет красной родинки, я забеспокоилась, что из-за небрежности слуг могла произойти путаница с наследством маркиза. Поэтому я рискнула высказать своё мнение.

Прежде чем госпожа Чэнь успела ответить, маркиз Юнлэ прервал её:

— Госпожа, слова одной лишь служанки недостаточны для доказательства. Я уже отправил людей на поиски того ребёнка. Когда он будет найден, всё станет ясно.

Госпожа Чэнь, закусив губу, не решалась взглянуть на Шэнь Мян, её глаза были полны слёз, готовых выплеснуться наружу.

Юнь Чэн слушал их разговор, и в его глазах бушевали бурные волны. Он вспомнил, как Хуай рассказывал ему о кошмаре, в котором его разоблачили как не настоящего наследника маркиза.

Кровь в его жилах застыла.

Он посмотрел на юношу рядом с ним. Красивое лицо Шэнь Мян было бледным, как мел, и даже пудра не могла скрыть его слабость.

Юнь Чэн сжал кулаки и холодно произнёс:

— Смешно.

— В таком величественном поместье маркиза, как это, играют на руках у старой служанки! Прошло уже восемнадцать лет, даже самая хорошая память может подвести. К тому же эта старуха, спустя столько лет, возвращается и говорит о красной родинке и истинной крови. Это выглядит крайне подозрительно. Пусть сначала её допросят в суде, а потом уже будем разбираться.

Ли Мэнши возразила:

— Князь, я невиновна! Каждое моё слово — правда. Если не верите, вызовите старых служанок и спросите их.

— Когда кормилица пришла в поместье, это я её рекомендовала. Она была вдовой, раньше жила в достатке, но после того как её муж погиб от рук разбойников, её имущество было разграблено родственниками. Она, беременная, приехала в Шанцзин, надеясь на помощь дальних родственников, но её прогнали. Мне стало жаль её, и я решила помочь.

Ли Мэнши действительно обладала отличной памятью, помня даже мельчайшие детали событий многолетней давности.

— Я до сих пор помню, как кормилица говорила, что её мужа звали Сян, а ребёнка она хотела назвать Тяньци, что означает счастье и благословение. Она боялась, что ребёнок умрёт молодым, как его отец, и хотела, чтобы небеса были к нему благосклонны. Не знаю, сбылись ли её мечты.

К этому моменту маркиз Юнлэ уже почти поверил ей.

Госпожа Чэнь тоже начала сомневаться, но она так любила своего старшего сына, что не могла принять мысль о том, что он — чужой ребёнок.

В этот момент слуга доложил:

— Господин, Сян Тяньци сейчас не в поместье. Несколько месяцев назад он выкупил себя и ушёл.

Маркиз Юнлэ был поражён. Он больше всего беспокоился о своём родном ребёнке:

— Тогда отправьте людей на его поиски. Во что бы то ни стало найдите его.

Юнь Чэн, видя, как маркиз спешит найти Сян Тяньци, полностью забыв о Шэнь Хуае, сжал зубы от ярости.

Он резко встал, обняв Шэнь Мян:

— Поскольку Сян Тяньци не найден сразу, оставаться здесь бесполезно. Мы с княгиней уходим.

Шэнь Мян, опираясь на его руку, едва стоял на ногах и тихо сказал:

— Если отец ищет господина Сяна... Хуай знает, как его найти.

Несмотря на попытки улыбнуться, его бледное лицо выдавало слабость, и все присутствующие сочувствовали ему, особенно маркиз Юнлэ, который любил его более десяти лет.

Старый маркиз сказал:

— Хуай, отец хочет лишь выяснить правду. Ты понимаешь?

Шэнь Мян кивнул:

— Я понимаю, и я тоже хочу этого. Отец, я слышал, что господин Сян — сын, который чтит память матери. Каждый год в день её смерти он посещает могилу на заднем дворе. Слуги говорят, что это произойдёт в ближайшие дни. Если отправить людей к могиле, они смогут его дождаться.

Маркиз Юнлэ обратился к управляющему:

— Ты слышал, что сказал старший сын?

Управляющий поспешно подтвердил.

Шэнь Мян добавил:

— Насколько я знаю, на ладони господина Сяна действительно есть ярко-красная родинка.

Маркиз Юнлэ замер, но Шэнь Мянью лишь слегка улыбнулся:

— Когда я впервые увидел господина Сяна, он показался мне знакомым. Теперь я понимаю, что он похож на отца в молодости.

С этими словами он слегка кашлянул и вышел вместе с Юнь Чэном.

После их ухода маркиз Юнлэ долго размышлял, а затем обратился к гостям:

— Это было дело нашего дома, но сегодня вы стали свидетелями этого недоразумения. Я разберусь во всём и не позволю, чтобы кровь нашего клана Шэнь была потеряна. Если мне посчастливится обрести ещё одного сына, это станет великим счастьем для меня. Тогда я приглашу вас всех на празднование.

Гости кивнули, понимая скрытый смысл его слов.

Неважно, кто настоящий наследник, но тот, кого они вырастили, останется его сыном.

Юнь Чэн поддерживал Шэнь Мянью, когда они выходили из зала. Слуги княжества тут же подали плащ, и он накинул его на Шэнь Мянью, застегнул и вышел из поместья.

Едва они переступили порог, как услышали крик:

— Брат, брат!

Шэнь Мянью слегка поднял глаза и увидел Шэнь Чжоу с покрасневшим от волнения лицом. Мальчик подбежал к нему, схватил за руку и, широко раскрыв глаза, долго молчал.

Шэнь Мянью слегка улыбнулся:

— Чжоу, ты хотел что-то сказать?

Шэнь Чжоу открыл рот, но так и не смог выговорить ни слова, лишь произнёс:

— Брат, у меня есть только ты.

Шэнь Мянью слегка удивился, погладил его по голове и сказал:

— Глупый мальчик, не говори так при отце и матери, и тем более не говори господину Сяну. Они расстроятся.

Шэнь Чжоу, которого всё ещё считали ребёнком, немного обиделся, но обнял холодную руку брата и тихо сказал:

— Меня волнует только твоё горе.

Юнь Чэн, наблюдавший за этим, нахмурился.

Шэнь Чжоу, словно не замечая его, спросил:

— Брат, ты выглядишь так плохо. Ты заболел?

Шэнь Мянью опустил глаза:

— Ничего страшного, просто простудился. Мать сегодня много плакала, тебе нужно быть рядом и утешать её.

Шэнь Чжоу кивнул.

— Теперь ты уже можешь быть самостоятельным. Я горжусь тобой.

Юнь Чэн обнял его сзади, поправил плащ и сказал:

— На улице холодно, твоё тело не выдержит. Давай вернёмся в княжество.

Шэнь Чжоу не хотел отпускать руку брата, но после долгого сопротивления Шэнь Мянью тихо назвал его по имени, и он неохотно отпустил его, наблюдая, как тот садится в княжескую карету.

Во Дворе Тысячи Осеней.

Юнь Чэн отпустил служанок, и в комнате остались только они двое.

Шэнь Мянью сидел у жаровни, грея руки над углями, и тихо произнёс:

— Похоже, стало холоднее.

Юнь Чэн сел рядом, чувствуя тяжесть в груди. Холод был не в погоде, а в сердцах.

Спустя долгое время он заговорил:

— Вчера ты говорил о своём сне...

Шэнь Мянью спокойно ответил:

— Этот сон начался в ночь перед свадьбой. Сначала я думал, что это просто фантазии, но потом он повторялся снова и снова, и это стало странным. Сначала я боялся своей смерти, но теперь я могу спокойно смотреть на это.

Юнь Чэн замер. Он вдруг вспомнил, как юноша часто стонал во сне от страха.

Оказывается, он уже тогда страдал от кошмаров.

А он, Юнь Чэн, просто игнорировал его страдания, и теперь его равнодушие превратилось в острые лезвия, ранящие его собственное сердце.

Шэнь Мянью продолжал:

— Этот сон был настолько реальным, что я иногда сомневаюсь, нахожусь ли я в реальности или в кошмаре.

Юнь Чэн хрипло спросил:

— Каким я был в твоём сне?